

Значение «народности» в концепции славянофилов

Е.В. Бобровских

Славянофильское направление русской социально-политической мысли, сложившееся в XIX в., и сегодня вызывает интерес у исследователей. Вероятно, это связано не только с содержательной составляющей славянофильской концепции, но и с необычными методологическими подходами данного направления. Оригинальным в этом отношении можно считать славянофильский подход к изучению и интерпретации понятия «народность», которое широко обсуждалось в русской социально-политической мысли XIX в. Славянофилы не первые, кто обращался к этому понятию. Широкое употребление этот термин приобрел в 1830-е гг., когда стал частью государственной идеологии, формулируемой как «Православие. Самодержавие. Народность». Но в трудах ее создателя С.С. Уварова, «народность» не имела того философского обоснования, которое она получила в трудах мыслителей славянофильского направления. Благодаря славянофилам, «народность» в русской социально-политической мысли стала прирастать синонимами: «народный дух», «народная личность», «народная физиономия», «народная стихия».

Актуализация данной проблемы в XIX в., возможно, связана с процессом «европеизации», начатым в XVIII в. К.С. Аксаков заявлял, что в России мысль о «народности» пробудилась после полуторавекового «нравственного ига Западной Европы»¹. Значимость «народности» в рамках славянофильской концепции как одного из важнейших принципов существования и развития общества не вызывает сомнения. Более того, славянофилы указывали на необходимость обращения к «народности» как на условие спасения и возрождения России. «От взаимного отношения народной Руси и официальной России зависит мера истинной, а не мнимой силы русского государства. Когда мы были сильны в смысле западном, — мы были слабы в нашем народном, русском смысле, и эта слабость не замедлила обнаружиться в Восточную войну. Мы возвращаемся теперь к источнику силы и являемся слабыми в глазах европейцев! Это понятно. Нам остается им показать, какова наша настоящая, не мишурная сила»², — подчеркивал И.С. Аксаков.

¹ Имеется в виду период от начала царствования Петра I. См.: Аксаков К.С. Передовые статьи газеты «Молва» // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянец, А. В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 292.

² Аксаков И.С. В чем сила России? Аксаков К.С. Передовые статьи газеты «Молва». С. 501.

В своих работах славянофилы (И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, Д.А. Хомяков и др.) обращались к термину «народность» достаточно часто. В основе их подхода лежал иррациональный способ познания. Д.А. Хомяков объясняет это тем, что «народность» состоит из неуловимых для формального определения элементов «и можно только сказать, что народность есть коллективная индивидуальность, столь же ясная и столь же неопределимая, как индивидуальность отдельных лиц»³. Хомяков признает невыразимость «народной стихии» в психическом отношении: «Как никто не может в действительности указать на лицо, которое было бы исчерпывающим для народности типом, так и невозможно составить список основных черт народа какого-либо»⁴. Начала народности, по Д.А. Хомякову, можно только прочувствовать, никакие внешние признаки не достаточны сами по себе. Черты народности подобны запахам: мы не всегда можем их определить и различить, но мы всегда их чувствуем. «Никогда нельзя будет никаким анализом дойти до уяснения всего синтеза народного духа, который, как всякая жизнь, не постигается, а только воспринимается, как факт априорный»⁵. Но именно в этом и заключается сила народности — в вере в нее. Народность есть тайный фактор жизни человечества. «Без нее народы не были бы народами, и человечество не состояло бы из тех друг друга восполняющих индивидуальностей, которые лишь в своей совокупности дают возможность всестороннего проявления полноты даров, человечеству данных»⁶.

Обращение к проблеме «народности» у славянофилов связано с тем, что они придавали большое значение фактору «народности» в процессе развития общества. «Народность» является значимой в бытовой, творческой, государственной и иных сферах общественной жизни. В 1859 г. И.С. Аксаков добился права на издание еженедельной газеты «Парус». О программе своей газеты он объявил: «Наше знамя — русская народность. Народность вообще — как символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития, как символ права, до сих пор попираемого теми же самыми, которые стоят и ратуют за права личности, не возводя своих понятий до сознания личности народной! Народность русская как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения, общечеловеческой истины»⁷. Тем самым дискуссии о «народности» стали важнейшим направлением в общественно-политической публицистике.

«Народность», в понимании славянофилов, составляют не только характерные особенности народа, сложившиеся под влиянием исторической судьбы и географических и климатических условий, но и черты, проявляющиеся в вере, народном самосознании и государственном строе. Другими словами, народность, как утверждал Д.А. Хомяков, есть «индивидуальность народа, полнота

³ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 270.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 275–276.

⁶ Там же. С. 289.

⁷ Аксаков И.С. Об издании в 1859 году газеты «Парус» // Аксаков И.С. Наше знамя — русская народность М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 147–148.

его прирожденных способностей и всего его душевного (духовного) склада»⁸. Кроме того, по верному замечанию Ю.Ф. Самарина, славянофильская «народность» включает в себя и «те начала, которые народ признает, в которые он верует, к осуществлению которых он стремится, которыми он поверяет себя, по которым судит о себе и о других»⁹.

Рассматривая содержание «народности», славянофилы выделяли ряд черт, позволяющих отличить одну «народность» от другой. Среди них важнейшей является язык; общечеловеческих слов не существует, но есть слова, несущие общечеловеческий смысл. Как писал К.С. Аксаков: «Язык — это драгоценное знамя народа»¹⁰. Прежде всего в языке выражается вся суть «народного духа». Славянские народы больше других понимали эту связь: все народы по-славянски назывались «языки», себя они называли «словесными», а других — «немыми».

По мнению славянофилов, «народный дух» проявляется также и в быту, и в одежде, поэтому возвращение к традиционной одежде — шаг на пути к «народности». Однако следование «внешней народности» не может быть главной целью, каковой является общий тон русской жизни, все существо «народного духа», которые нельзя терять.

«Могущественным хранителем жизненной великой тайны», по К.С. Аксакову, является простой народ, который после реформ Петра I разделился надвое: на народ, хранящий в себе русскую земскую жизнь, и общество, отрешившееся от своей «народности». Главная ценность, которую сохранил народ, — внутреннее начало свободы. Возвращение к народности означает установление «русского воззрения», самобытного и самостоятельного, т. е. конец «подражательной эпохи», начатой Петром. «А именно этой-то народности, этого-то самобытного воззрения и недостает нашей умственной деятельности; а оттого, что в ней нет народности, нет в ней и общечеловеческого»¹¹.

Славянофилы отмечали, что существует разрыв между элитой и простым народом, в то время как очень важно органическое единство власти и народа на основе «народного духа». Но в русской истории XVIII в. «все, что только носило на себе печать народности, было предано осмеянию, поруганию, гонению; одежда, обычай, нравы, самый язык, — все было искажено, изуродовано, изувечено <...> правильность кровообращения в общем организме приостановилась, его духовная цельность нарушена»¹². В результате властная элита оказалась под воздействием европейского влияния. А простой народ, отмечает И.С. Аксаков, оказался «тверже и крепче и вернее своих благородных пред-

⁸ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 285.

⁹ Самарин Ю.Ф. Замечания на «Заметки “Русского вестника”» по вопросу о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 466.

¹⁰ Аксаков К.С. Передовые статьи газеты «Молва» / Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 292.

¹¹ Аксаков К.С. О русском воззрении // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. С. 260.

¹² Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине при открытии памятника поэту в Москве 8 июня 1880 года // Аксаков И.С. Наше знамя — русская народность. С. 585.

ставителей, образованных дворян и шляхтичей»¹³. Он сохранил «залог веры и нравственной истины».

Понять русский народ, с точки зрения славянофилов, невозможно без обращения к православию. По мнению И.В. Киреевского, «особая форма богосознания» определяет особенность той или иной народности. «Говоря о русской народности, — отмечал Ю.Ф. Самарин, — мы понимаем ее в неразрывной связи с православной верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека»¹⁴. А К.С. Аксаков считал православную веру главным столпом всей русской жизни: «Без Веры Православной [народ] не имеет значения: вся жизнь его основана на ней, с ней неразрывно соединена, на ней основана и его народность. Поэтому тот, кто не Православный, не принадлежит к Русскому народу, хотя бы он был и Русского происхождения»¹⁵. То есть религиозный принцип гораздо важнее, чем национальный.

Указывая на связь религии и народности, славянофилы определяли православие достаточно широко — как культурный феномен, занимающий срединное положение между церковью, государством и обществом. Всякая вера, по их мнению, имеет свой источник в определенном духовном складе народа, выражающемся во врожденной народной психологии. В свою очередь, сложившиеся особенности мировоззрения народа являются фундаментом для построения религиозной веры. Слившись с врожденными психологическими особенностями народа, вера становится главным критерием для различения «народных физиономий». Это особенно характерно для русского народа. Для русского человека наименование «православный» значительно важнее, чем «русский», потому что православие указывает на бытовой идеал, к осуществлению которого он стремится.

Славянофилы также указывали на тесную связь «народности» и государственного строя. Ю.Ф. Самарин писал, что любая «народная личность» имеет право на особое общественное устройство, которое могло бы предоставить каждому человеку свободу вероисповедания, официальное употребление народного языка и сохранение особенностей гражданского быта. Государственная форма, по его мнению, всегда служит проявлением «народной стихии». Но хотя народность и государственная форма — два тесно связанных между собою явления, «первое не обуславливает собою необходимости второго»¹⁶. А политические организмы являются, как правило, творением не одной национальности, а результатом сложного переплетения отношений между различными народностями.

¹³ Аксаков И.С. Ответ на письмо, подписанное «Белорусс» // Аксаков И.С. Наше знамя — русская народность. С. 293.

¹⁴ Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 429–430.

¹⁵ Аксаков К.С. Западная Европа и народность // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. С. 194.

¹⁶ Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. С. 336.

Отношения между властью и народом могут выражаться в различных формах: конституциях, хартиях, силовом принуждении и т. д. В России существует своя, особая форма, заключающаяся в любви подданных к государю, в живом народном сознании. Это связано с тем, что «Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню»¹⁷. И правительство не должно вмешиваться в личную сферу деятельности человека. Эти пределы полномочий власти заложены в «народном духе» и потому не требуют юридической поддержки. Русский человек, считал Ю.Ф. Самарин, ясно представляет себе назначение верховной власти, тем самым осознавая ее пределы.

По мнению Д.А. Хомякова, формы государственного устройства связаны с «народным духом», который содержит в себе государственное мировоззрение. Он считал, что западный народный тип нуждается в наличии самодержавия в духовной сфере и не терпит его в политической. Восточный тип, к которому относится и Россия, нуждается в гражданском самодержавии, но не допускает его вмешательства в духовную сферу. Хомяков призывает не путать русское самодержавие с западным абсолютизмом. Русское самодержавие, по его мнению, есть часть духовного организма общества, сила служебная, есть выражение народных духовных требований и отрицание западного абсолютизма.

Таким образом, в соответствии со славянофильской концепцией, «народность» включает в себя православную веру и признание самодержавного правления. Соответственно правительство служит и русской церкви, и народу. В этом отношении концепция славянофилов своеобразно пересекалась с теорией «официальной народности» С.С. Уварова. Однако в «триаде» С.С. Уварова, в отличие от теории славянофилов, главенствующую позицию занимало «самодержавие». А «православие» и «народность» являлись лишь основаниями государственной власти в России¹⁸.

По большому счету, славянофильское направление можно считать русским вариантом романтического национализма, а используемый славянофилами термин «народность» — аналогом европейского понятия «народный дух». В Европе теоретики романтического национализма обратились к национальной самобытности, политической традиции и истории в поисках ответов на социально-политические вызовы. Идея «народного духа» была превращена ими в объединительный концепт и содействовала формированию национальных государств. «Народный дух» позволял сглаживать сословные противоречия для создания единого цельного государства-личности. Подобные же основания четко прослеживаются и в русском славянофильстве. С их точки зрения, не подлежит сомнению, что «народность» является важнейшей характеристикой и даже ценностью любого народа. Следует отметить одну важнейшую деталь, свойственную славянофильскому учению. Их «национализм» представлял собой скорее «традиционализм», приверженность русским духовным традициям. Никто из

¹⁷ Самарин Ю.Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: хрестоматия / сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 162.

¹⁸ См.: Горохов А.А. Культурно-политический контекст начала XIX в. и его влияние на формирование консервативных ценностей политической культуры России // Власть. 2011. № 8. С. 88–90.

славянофилов не выдвигал претензии на национальную исключительность. Их «национализм» базировался на свободном выражении каждым народом своей «народности»¹⁹. При этом «народность» ни в коей мере не противопоставлялась общечеловеческим ценностям. Только истинно народный гений, считали они, способен воспеть общечеловеческие ценности. Следовательно, «народность» есть средство служения общечеловеческим идеалам.

Список используемых источников

1. Аксаков И.С. Наше знамя — русская народность М.: Институт русской цивилизации, 2008.
2. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
3. Горюхов А.А. Культурно-политический контекст начала XIX в. и его влияние на формирование консервативных ценностей политической культуры России // Власть. 2011. № 8. С. 88–90.
4. Прокудин Б.А. Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA–2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / под. ред. Е.Н. Мошелкова / сост. А.В. Воробьев. М.: Социально-политическая мысль, 2006.
5. Самарин Ю.Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: хрестоматия / сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012.
6. Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
7. Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

¹⁹ См.: Прокудин Б.А. Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA–2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / под. ред. Е.Н. Мошелкова / сост. А.В. Воробьев. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 205–207.